

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.028

УДК 930.2 + 94(564.3) + 929 Гуго (564.3)*4 +
+ 091 + 821.161.1“16”**С. В. Близнюк***Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

ПИСЬМО КОРОЛЯ КИПРА ГУГО IV ЛУЗИНЬЯНА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII в.

В работе представлены два источника, касающиеся русской и кипрской истории: неопубликованное письмо короля Кипра Гуго IV Лузиньяна королеве Неаполя Джованне и сочинение неизвестного русского автора XVII в. о победе кипрского христианского войска над турками. В статье проводится текстологический и сравнительный анализ обоих источников и доказываемое заимствование русским автором информации из письма кипрского короля. Сочинение анонимного автора является практически свободным художественным переводом письма Гуго IV. В исследовании отмечается, что русский автор-переводчик позаимствовал сюжет письма не прямо, а скорее всего через кипрскую литературу более позднего времени, в которой история, рассказанная кипрским королем, была, по всей вероятности, чрезвычайно популярна. В русском тексте переплетаются события кипрской истории разных времен с целью показать героическое прошлое Кипра. Русский автор датирует свою историю 552 г. и связывает ее с императором Юстинианом I, наиболее почитаемым и героическим византийским правителем. Он не отделяет историю Кипра от истории Византии, как не могли это сделать кипрские и греко-византийские авторы XIV–XVI вв. Однако в обоих текстах речь идет о крестоносцах-латинянах, которые ведут сражение против турок под руководством кипрского короля. Русский автор остается верен православной традиции неприятия крестоносной идеи и заменяет идею мученичества крестоносца во имя Господа на традиционную для русской литературы героизацию воинов. Он признает, что воины сражаются за христианскую веру и церковь, но отрицает идею гарантированного спасения и вечной жизни за военный подвиг. В статье публикуется полный текст письма Гуго IV Лузиньяна по рукописи XV в., хранящейся в отделе рукописей Баварской государственной библиотеки.

Ключевые слова: Кипр; Гуго IV Лузиньян; русская литература; история; Средние века; рукописи; крестоносцы; турки; православие; идеология; интерпретация

Цитирование: Близнюк С. В. Письмо короля Кипра Гуго IV Лузиньяна и его интерпретация в русской литературе XVII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 96–109. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.028>

Поступила в редакцию: 29.06.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Svetlana V. Bliznyuk*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

**LETTER OF KING HUGH IV OF CYPRUS
AND ITS INTERPRETATION
IN THE 17th-CENTURY RUSSIAN LITERATURE**

This article contains two sources concerning the history of Russia and Cyprus: an unknown and previously unpublished letter of King Hugh IV of Lusignan of Cyprus to Giovanna, Queen of Naples, and a work of an unknown Russian author of the seventeenth century about the victory of the Cypriot Christian army over the Turks. A textual and comparative analysis of both sources carried out in the article proves a borrowing of information by the Russian author from the letter of the Cypriot king. The work of the anonymous author is an almost liberal literary translation of Hugh's letter. At the same time, the Russian translator did not borrow the plot of the letter directly, but most likely through later Cypriot literature, in which the story told by the Cypriot king was probably extremely popular. The events of the history of Cyprus of different times intertwine in the Russian text in order to show the heroic past of Cyprus. The Russian author dates his story to 552 and connects it with Emperor Justinian I, the most revered and heroic Byzantine ruler. He cannot separate the history of Cyprus from the history of Byzantium, just as the Cypriot and Greek-Byzantine authors of the fourteenth and sixteenth centuries could not do it. However, both texts speak of Latin Crusaders, who are fighting against the Turks under the leadership of the King of Cyprus. The Russian author remains faithful to the Orthodox tradition of rejection of the idea of crusades and replaces the idea of martyrdom of a crusader in the name of the Lord with heroic battle scenes traditional for Russian literature. He acknowledges that warriors are fighting for the Christian faith and for the church but denies the idea of guaranteed salvation and eternal life for military feats. At the end of the article, the full text of the letter of Hugh IV of Lusignan based on a manuscript of the fifteenth century kept in the manuscript department of the Bavarian State Library is published.

Key words: Cyprus; Hugh IV of Lusignan; Russian literature; history; Middle Ages; manuscripts; crusaders; Turks; Orthodoxy; ideology; interpretation

Citation: Bliznyuk, S. V. (2021). Pis'mo korolia Kipra Gugo IV Luzin'iana i ego interpretatsiia v russkoi literature XVII v. [Letter of King Hugh IV of Cyprus and its Interpretation in the 17th-Century Russian Literature]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 96–109. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.028>

*Submitted: 29.06.2020**Accepted: 25.03.2021*

Русские люди впервые познакомились с островом Кипр, с его историей, достопримечательностями, преданиями и реликвиями в самом начале XII в. благодаря игумену Даниилу, совершившему паломничество в Святую землю и посетившему

на пути туда остров Кипр. По стопам Даниила к святым местам потянулись и другие русские пилигримы. Некоторые из них оставили свои записки, в том числе и о Кипре, который лежал на их пути к Иерусалиму. Их воспоминания о Кипре, по меткому определению О. А. Белобровой, положили начало «кипрскому циклу в древнерусской литературе» [Белоброва; Близнюк, 2020].

В XVI–XVII вв. русский читатель, несмотря на всю свою глубокую религиозность, связанную с воспитанием и окружающей его действительностью, почувствовал внутреннюю потребность в светских темах в литературе: в рыцарских романах, лирике, сатире, исторических, героических и эпических рассказах. Похожие сочинения проникали в русскую читательскую среду из Западной Европы, в основном через Польшу, переписывались, переводились на русский язык и пользовались спросом и популярностью [Николаев, 2002; 2008]. Постепенно рос интерес и к Кипру. Литературное вдохновение русский писатель черпал в кипрской истории, отыскивая на ее героических страницах события, созвучные его духовным потребностям. В русскую читающую среду стали проникать кипрские истории, легенды, сочинения греко-кипрских хронистов. Их переводили, интерпретировали, переписывали, распространяли и хранили рукописи в личных книжных коллекциях. Для многих в России эти сочинения стали любимым чтением. С удовольствием читали различные повести, рассказы и легенды о Кипре [Белоброва, с. 76–98]. Широкую известность приобрели переводы хроники Псевдо-Дорофея, повествующей не только о падении Византии в 1453 г. и последовавшем за ним периоде [Лебедева], но и о завоевании «умилненного» Кипра турками [Белоброва, с. 90–91]. Во второй половине XVII в. был переведен с польского на русский язык исключительно популярный в Европе эпохи Ренессанса рыцарский роман XIV в. Жана Аппасского «Повесть о Мелусине» [Белоброва, с. 93–97; Melusine; Melusine par Jehan d'Arras; Desaivre; Campagnolo, Martiniani-Reber]. Знакомство со всеми этими сочинениями значительно расширило и углубило представления русских людей о Кипре, его истории и культуре.

В данной работе мы не ставим перед собой задачу проанализировать все возможные заимствования и переводы кипрских сочинений в русской литературе. Но одно из них — «Сказание о приходе турского и сорочинов на Кипрский остров» — вызвало наш особый интерес. Именно на нем нам бы хотелось сконцентрировать свое внимание. По содержанию, литературным приемам и оборотам оно настолько перекликается с одним малоизвестным в исторической науке письмом короля Кипра Гуго IV Лузиньяна о победе кипрского войска над турками, что невозможно не предположить популярности данного сюжета в кипрской литературе на протяжении многих веков. Вероятно, благодаря многочисленным переложениям данного сюжета в народной литературе Кипра, названная история попала к русскому читателю. Попытаемся проследить текстологические и смысловые совпадения и параллели в обоих текстах.

Письмо короля Кипра Гуго IV Лузиньяна, датированное 1345 г., было адресовано королеве Сицилии. Копия письма сохранилась в картулярии XV в., который

хранится в отделе рукописей Баварской государственной библиотеки в Мюнхене [BSB, fol. 300 r-v]. В письме говорится, что летом 1345 г. войско крестоносцев ведет тяжелейшие и изнуряющие воинов бои с турками и несет большие потери. Однако с помощью Бога и под руководством его непосредственного посланника крестоносцы, в конце концов, одержали сокрушительную победу над турками. Всему произошедшему чуду король Кипра сам был свидетелем, что он и описал в своем послании¹.

События русского «Сказания» датируются 552 г. (6060 г.) [Белоброва, с. 79–81], что, казалось бы, сразу же опровергает наше утверждение о совпадении двух историй. Однако в русском рассказе причудливо переплелись времена, реальные события и героические легенды. Небезосновательно автор «Сказания» сначала переносит читателя во времена императора Юстиниана I, наиболее почитаемого героического императора Византии. Именно тогда, согласно русскому «Сказанию», турки и сарадины напали на остров Кипр с целью его полного покорения [Там же, с. 79]. Безымянный русский автор «Сказания» не может отделить историю Кипра от истории Византии точно так же, как не мог этого сделать и кипрский хронист конца XIV — начала XV в. Леонтий Махера; точно так же, как не мог не включить историю завоевания Кипра турками в общий контекст истории покорения византийских земель греческий хронист XVI в. Псевдо-Дорофей. Для всех них Кипр — это часть византийского мира. История Кипра неразрывно связывается с византийской историей и культурой. Император Юстиниан, императрица Феодора, согласно кипрским легендам, родившаяся на острове, не раз предстают перед читателем как вершители судьбы Кипра. Одновременно из контекста «Сказания» следует, что действие происходит в эпоху крестовых походов. Или, наоборот, эпоха крестовых походов как бы переносится в 552 г., во времена великого императора Византии. Тем самым, автор пытается подчеркнуть величие, силу, славу кипро-византийской истории. В то же время в рассказе вдруг появляется фряжский, т. е. франкский, король и латинские князья, которые ведут непримиримую борьбу с турками и сарадинами. Кипрское войско сразу же превращается в войско крестоносцев: «Князь кипрский собрал христианское воинство, короли фряжские и князи их, пошли морем на стретение безбожным турком» [Там же].

В «Сказании» содержится очень любопытный намек на реальные события, связанные с организацией и действием Священной Лиги, образованной папой Иоанном XXII в 1334 г. и продолжавшей вести священную войну против турок в Восточном Средиземноморье вплоть до 1370-х гг. В 1340-е гг. инициативу руководства Лигой в борьбе с турками в регионе взял на себя кипрский король Гуго IV. Именно ему принадлежит ряд славных побед над турками, с которыми римские понтифики Бенедикт XII и Климент VI не раз его поздравляли и высказывали свое особое одобрение его политики [Близнюк, 2016, с. 101–130; Coureas]. «Сказание» практически фиксирует эту ситуацию, говоря, что «кипрский князь»

¹ Текст письма и перевод см. ниже.

собрал христианское войско и, объединившись с другими фряжскими королями и князьями, повел его против турок. Гуго также говорит, что он вступает в бой «вместе с другими христианами, преданными делу креста» [Белоброва, с. 79; BSB, fol. 300 r].

Примечательна еще одна деталь, на которую обращает внимание читателя русский автор: помощь кипрскому королю пришла по морю. Следовательно, русский автор словно хочет особо подчеркнуть, что кипрский король мог рассчитывать на помощь других правителей и получал ее, согласно условиям договоров 1334, 1343, 1348, 1350 гг., заключавшихся в рамках существования Священной Лиги [Sougeas; Близнюк, 2016, с. 112–113]. В «Сказании», конечно, не упоминается имя короля, крестоносцы не называются крестоносцами, а Лига не называется Лигой. Кипрский король просто превратился в легендарного героя, латинские воины с легкостью именуются православными, а о каком бы то ни было военном союзе речь вообще не идет. Последнее следует, однако, из контекста о приходе помощи кипрскому королю из-за моря. Фряжское (франкское) происхождение короля и его союзников при этом также не скрывается и воспринимается как само собой разумеющееся. Для автора рассказа было гораздо важнее описать победу христиан над «погаными басурманами» [Белоброва, с. 81]. Автор «Сказания» повествует не о длительной войне, а об одном событии. У него, как и в письме Гуго IV, речь идет именно о тяжелом бое, длившемся несколько дней. Битва и в том, и в другом случае идет на территории Кипра близ гор. В письме — «на равнине, расположенной между горами и возвышенностью», в «Сказании» — около города Талавод, под которым, вероятнее всего, подразумевается аббатство Беллапаис, расположенное в горах на севере острова. В «Сказании» называется та же самая фантастическая численность турецкого войска в 1,2 млн воинов. Более того, цифры записаны тем же не совсем обычным способом, что и в письме Гуго IV: «12 сот тысяч» турок, из которых погибло «11 сот тысяч» [Там же, с. 79, 80]. Гуго IV также добавляет, что войско крестоносцев насчитывало 200 тысяч воинов.

Понятно, что цифры нереальные и в том, и в другом тексте, но по удивительному совпадению одинаковые. Подобные преувеличения весьма характерны для литературы Средних веков в целом. Численность войска, как правило, многократно завышалась. С помощью подобного преувеличения хронисты пытались представить более яркую, полную драматизма картину событий. Так поступали, например, Леонтий Махера, Филипп де Мезьер, Доменико Малипьеро, говоря о численности крестоносного войска кипрского короля Пьера I Лузиньяна в своих сочинениях [Machairas, § 167, 190–191; Близнюк, 2018, § 167, 190–191, с. 146–147, 156–157; Mézières, p. 127–128; Annali..., vol. II, p. 594]. При детальном рассмотрении событий все цифры оказываются бесконечно завышенными [Близнюк, 2016, с. 145–147, 157]. К подобному приему гиперболизации прибегают и наши авторы, которые с его помощью стремятся подчеркнуть героизм христиан, неравенство сил воюющих сторон, оказание божьей помощи крестоносцам и отсутствие таковой у мусульман. Именно поэтому, с их точки

зрения, последние должны были понести жестокое поражение, несмотря на свое несравнимое численное превосходство.

И Гуго IV, и автор «Сказания» рассказывают о явлении христианам всадника: в первом случае одетого в верблюжью власяницу, во втором — в белые одежды. В руках он держал животворящий крест. Он воодушевил христиан, придал им сил и обеспечил победу над врагом. И в письме Гуго, и в «Сказании» во время явления посланника с неба звучала необыкновенная божественная музыка и распространялся чудесный запах, которые придали сил христианским воинам. «Христианом же... прииде им неизреченное благоухание в ноздри их, до тем христиане и кони их были сыти и веселы», — сказано в «Сказании». И эта идея о насыщении воинов «благоуханием» в русском тексте проводится дважды [Белоброва, с. 80, 81]. В русском рассказе явившийся воинам всадник прямо называет себя сыном Божиим по имени Христос, которого Отец послал на помощь христианам: «Аз есмь сын божий, глаголемый Христос, послан бы есть отцем моим небесным на помощ к вам. А знамение мое и непобедимое оружие — животворящий кресть мой — сотворен вашего ради спасения, понеже молихом мя пречистая дева Мария, мати моя, приехати ми на помощь вашу» [Там же, с. 81].

В Письме Гуго IV под всадником, казалось бы, должен подразумеваться Иоанн Креститель, ибо на вопрос христиан он ответил словами из Евангелия от Иоанна — он тот, кто сказал: «Вот агнец Божий, который берет на себя грехи мира» (Ин. 1:29). Верблюжья власяница всадника тоже косвенно указывает на Иоанна Крестителя. Именно он традиционно изображался одетым в верблюжью власяницу или шкуру. Однако нам неизвестно ни одного конного изображения или описания Иоанна Предтечи в средневековом искусстве или литературе. Следовательно, в письме Гуго IV, скорее всего, заложен более глубокий, иносказательный смысл, символ, понятный верующему. В Евангелии Иоанн видит и указывает именно на Христа как на Спасителя, стоящего и идущего впереди него: «...за мною идет Муж, который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня» (Ин. 1:30). Христос-всадник, Христос-воитель, Христос-победитель предстает верующим в Откровениях Иоанна Богослова (Апок., 19:1–21) и символизирует победу христианства над «адскими силами», лютыми врагами, коими в данном случае являлись турки. И белый конь, первый конь Апокалипсиса, и всадник — символы победы Христа, силы и могущества христианства. Обращает на себя внимание, что в этом месте в письме рассказчик вдруг обращается к всаднику во втором лице множественного числа. То есть этот переход может указывать не только на самого всадника, но и на его воинство: «...кто вы, которые так много сделали для нас...». Кроме того, чуть выше у Гуго всадник говорит, что именно Бог (*divina maiestas*) показался в небесах и незримо посылает верующим помощь. В таком случае Иоанн Креститель у кипрского короля может играть ту же самую роль, как и в Евангелии: его видят верующие, и он показывает на того, кто пришел встать впереди него и повести христиан за собой, т. е. на Христа. Следовательно, с верующими говорит сам Христос,

присутствующий у Гуго «незримо» (*invisible*). И именно он устами всадника призывает идти в бой и гарантирует воину обретение жизни вечной в случае его гибели. Подобные обещания крестоносец получал только от самого Христа и именно с ним заключал своеобразный личный воинский договор, согласно европейской крестоносной идее. Церковь, папа, священники были лишь посредниками между самим Христом и крестоносцами. Русский переводчик понял текст буквально и однозначно: всадник — это сам Христос, сын Божий. Следовательно, в данном случае разночтений между письмом и «Сказанием» нет.

И в том, и в другом тексте христиане зывают о помощи к Господу и Деве Марии. Ни один из авторов не говорит прямо (и не может сказать) о том чувстве отчаяния, страха, безысходности, которое охватило воинов, но дает это понять. «И если бы у нас не было надежды на победу, мы ожидали самой горькой смерти, плача и рыдая», — пишет Гуго IV. Именно чувство страха, являющееся одной из самых сильных и неконтролируемых эмоций человека, заставляет его искать спасения у высших сил, уповать на чудо. Этим объясняются многократные мольбы крестоносцев к Богу и Деве Марии. В обоих текстах они занимают едва ли не большую часть рассказа. При этом Гуго IV проводит идею спасения мира от неверных крестоносцами и идею обретения ими вечного спасения: «...чтобы небом нам была дарована победа, и мы бы смогли оградить мир от неверных»; если не удастся победить, крестоносцы просят Бога укрепить их душу и веру, чтобы принять «пальму мученичества»; «ведь те немногие из вас, которые будут убиты, — говорит явившийся христианам всадник, — обретут жизнь вечную» [BSB, fol. 300 r-v].

В «Сказании» мусульмане также являются не просто врагами, а неверными; христиане также ведут жестокий бой с «погаными»; точно также заступничество высших сил и божественное чудо позволяют христианам одержать победу: «и не было ночи, ибо луч солнечного света являлся нам всю ночь» [BSB, fol. 300 v] и освещал христианам поле боя, хотя «сеча была зла и ужасна» [Белоброва, с. 80]. Воины русского автора также ведут бой за веру и церковь, но за веру православную: «умрети за имя святое и за святые твоя божия церкви и за православную Христову веру» [Там же]. Однако намеки на крестоносные идеи от русского автора постоянно ускользают. Это не удивительно, поскольку сама крестоносная идея была бесконечно далека для русского человека. Он не понял и не принял ее, как не поняла и не поддержала ее Византия, непосредственно столкнувшаяся с крестоносцами в самом начале крестоносного движения в конце XI в. и вынужденная выстраивать с ними дипломатические отношения вплоть до завоевания ими Константинополя в 1204 г. Православная традиция отношения к войне и воину, основанная на учении Василия Великого, не принимала идею священной войны как таковую, не окружала воина ореолом святости, не допускала ношения оружия представителями клира [Близнюк, 2014, с. 24–25; 2010; Bliznyuk; Близнюк, 2020]. Поэтому русский автор «Сказания» заменяет идею мученичества крестоносца во имя Господа и божественного воздаяния за нее на традиционные для русской литературы красочные сцены героической

баталии со стопами земли от топота копыт боевых лошадей, со скрежетом оружия и реками крови врага: «И бе сеча зла и ужасна, яко земли постонати, и звук сабельный бряцаше, яко гром. И пролияшася кровь турская, аки река течаху» [Белоброва, с. 80]. Наградой для христиан у автора «Сказания» становится победа над врагом, триумф воина-победителя, а не гарантированное крестоносцу спасение. Однако и русский автор проводит мысль, что христиане были готовы сражаться и отдать жизнь за веру и Христа: «...яко же хотим умерети за имя святое и за святые твоя божия церкви и за православъную Христову веру» [Там же]. К слову сказать, батальные сцены весьма ярко представлены и в письме Гуго IV. При всей благодарности кипрского короля Господу за его помощь он не лишает крестоносцев их собственных воинских заслуг. Воинский героизм у обоих авторов, таким образом, сопряжен с испытанием, страданием, скорбью, смертью и наградой за нее от Бога.

В обоих текстах одинаков способ опознания тел погибших христиан с помощью знамений, полученных свыше. У Гуго IV они были обнаружены благодаря тому, что в изголовье каждого был белый цветок, на котором золотыми буквами было написано: «Я Христианин». В «Сказании» — изо рта каждого шел зеленый пар, и на лбу было «крестное знамение». Оба автора приводят полный символизма текст. В обоих текстах идет постоянный диалог символов, столь характерный для средневекового сознания. Человек Средневековья мыслил символами, чувствовал их, верил в них, искал их в реальной жизни, соизмерял свои действия с их подсказками. Не случаен в связи с этим выбор обоими авторами наших источников цветов для опознания тел погибших христиан: белый, золотой и зеленый. (Белый — символы чистоты и праведности; золотой — силы, мужества и героизма; зеленый — символ жизни.) Характерно, что праведников узнают по белому и зеленому цветам, которые одновременно символизируют жизнь и жизнь после смерти, воскресение, переход в лучший мир — мир праведников.

Оба автора убеждают читателя, что праведник не уходит бесследно, что рыцарь / воин не может умереть бесславно. Как рыцарь заслуживает вечной славы за свои подвиги, так и праведник заслуживает вознаграждения за свои подвиги вечным покоем. В обоих текстах рыцарь, воин и праведник совмещается в одном лице. Воинский подвиг сочетается с праведностью битвы. «Праведник, где бы его ни настигла смерть, обретет покой»², — писал в начале XII в. один из самых известных хронистов крестовых походов Фульхерий Шартрский [Fulcheri Carnotensis..., lib. I, cap. VIII (III), p. 170]. Эту же идею проводит в середине XIV в. кипрский король Гуго IV: «Тогда, отделив их тела от неверных, мы захотели отслужить для них службу по усопшим и услышали бесчисленное множество голосов с неба. Звучала чудеснейшая мелодия, так что каждому казалось, что жизнь вечна. И трижды они пропели до конца для

² *Iustus qua morte praeoccupatus fuerit, in refrigerio erit* (досл.: «окажется в прохладе», т. е. в покое).

каждого: “Придите же, благословенные отца моего”»³ [BSB, fol. 300 v]. Русский автор практически пересказывает все действия, которые были совершены кипрским королем после битвы по поиску и захоронению тел погибших христиан, включая повествование о чудесах, молитвы и общение в этот момент с Богом, как это написано в письме Гуго IV. «Православные», погибшие за веру, были удостоены почестей при погребении; их тела были отделены, «яко злато», от всех мертвых [Белоброва, с. 81], что символизирует их героизм и воинский подвиг, но, опять же, идея гарантированного крестоносцу спасения в русском тексте размывается и ускользает от читателя.

В обоих текстах названо место захоронения погибших христиан: *Фиваида* (*Thebaida*) у Гуго и некий город *Tuabom* у русского автора. При этом в самом начале в русском тексте называется некий город *Талавод*, у которого произошла битва и который ассоциируется с аббатством Беллапаис, как мы отмечали выше. Оба топонима, названные в текстах, ставят больше вопросов, чем дают ответов, где именно находилось это место. Фиваида Гуго IV не должна вводить в заблуждение и уводить читателя в области Верхнего Египта. Точно идентифицировать топоним вряд ли возможно и вряд ли нужно. Фиваида Гуго IV вводится в текст как образ, как символ, как отсылка читателя к античной поэме Публия Папиния Стация «Фиваида», однако, не напрямую. В европейской литературе XII в. были весьма популярными переложения античной латинской поэзии без ссылок на оригиналы и авторов. Подобным переложением-интерпретацией «Фивиады» Стация в середине XII в. стал куртуазный «Роман о Фивах», широко распространившийся во франкоязычной интеллектуальной среде [Самарин, Михайлов; Battles]. В «Романе» не называются прямо, но явно чувствуются отзвуки истории Второго крестового похода (1147–1149), закончившегося для крестоносцев поражением. Фивы ассоциируются в «Романе» с враждебным городом, населенным язычниками или неверными, которых ценою жизни должны были победить крестоносцы и захватить город. Гуго IV, вводя в свой текст топоним Фиваида, скорее прибегнул к аллегории и хотел подчеркнуть величие победы своего войска, а заодно продемонстрировать свою образованность и начитанность, так много значившие при его дворе [Близнюк, 2016, с. 649–663; Grivaud, p. 53, 220]. Русский переводчик, видимо, пытался понять и интерпретировать греческое название, ранее транскрибированное из латинского текста Гуго IV, что привело к еще большему его искажению. Однако и в тексте письма Гуго IV, и в русском «Сказании» речь явно идет о Кипре. Оба автора не уводят читателя с острова. Погибшие воины должны были обрести покой на кипрской земле.

В результате проведенного исследования и сопоставления текстов письма кипрского короля Гуго IV Лузиньяна и русского «Сказания о приходе турецкого и сорочинов на Кипрский остров» не остается сомнений как в текстологическом и смысловом совпадении двух рассказов, так и в том, что в литературе XVII в.

³ «Тогда Царь скажет тем, которые по правую сторону: “придите же, благословенные Отца моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира”» (Мф. 25:34).

время и сюжеты кипрской истории разных времен переплетаются, перекликаются, переосмысливаются, интерпретируются, объединяются между собой, создавая единый контекст героической истории Кипра.

Приведем латинский текст письма кипрского короля Гуго IV Лузиньяна по рукописи, хранящейся в отделе рукописей Баварской государственной библиотеки [BSB, fol. 300 r-v], и его перевод.

fol. 300 r — Anno Domini MCCC quadringentesimo quinto contigit quoddam ineorabile factum, quod scripsit rex Cipri, qui hoc eius occulum vidit, regine Scicilie in hoc versu.

Rex Cipri regine Scicilie salutem congaudete et congratulandum nobiscum et cum ceteris fidelibus cruce signatis ad proeliandum contra infideles Turchos ob reverentiam Iesu Christi, qui pro nobis voluit crucifigi, ululate et clamate, ut in excelso audiantur voces vestre, gracias et laudes, referamus deo et virgini gloriose de in menso beneficio nuper in me facto, sane XXIII die, mensis Iunii indicione una cum ceteris Christianis cruce signatis moti ad hunc proelium contra Turchos, congregati eramus in planitie inter montanam et altum locum, et Turci habebant duodecies centum milia pugnatorum. Et nos tantum ducenta milia et in temporibus pugnare exadverso potentes, multitudinem Thurcorum magnam prosternentes, et duravit proelium usque ad vesperam. Ita ut nos fideles fessi non poteramus amplius proeliari et prostrati expectavimus palmam martirii recipere ex eo, quod multi de Thurcis quietati venerunt contra nos sic fatigatos, sitientes sanguinem nostrum bibere nisi divina clementia prohibuisset. Et cum fideles vidissent se in tali puncto constitutos clamaverunt ad Dominum, dicentes: “Domine, illus, qui pro nobis voluissi crucifigi! Da nobis fidem sic mane et conforta cor nostrum in nobis ut in tuo nomine valeamus palmam martirii obtinere, quia eis resistere non valemus”. Et si desperati de victoria mortem amarissimam expectabamus congemantes et flentes. Et subito apparuit unus sedens super equum album habens vexillum album in quo crux erat colorum rubei, mira rubedine insignita excellens super omnem illam multitudinem. Et hic erat indutus pilis camelorum, faciem longam et macilentam cum proluxa barba habebat et cum sonora voce clamavit dicens: “O fideles, nolite timere, quia divina maiestas celos apperuit et mittet nobis adiutorium invisibile, surgite, confortaverit. Et viriliter ad pugnam mecum venite, quia pauci qui morientur ex vobis //

fol. 300 v — vitam eternam obtinebunt”. Et sic eius auxilio succeximus ac si nunquam preliati fuissetus, et Thurcos iterato invasimus et tota nocte pugnavimus, et non erat nox sed ut solaris luminis nobis radius tota nocte apparebat. Die vero facta, qui remanserant de Thurcis enaverunt ab oculis nostris. Et sic divino auxilio in predicto proelio victoriam obtinuimus. Et macerati antequam de proelio pergeremus Missam de Sancta Trinitate et beatissime Virgine fecimus devote celebrari, ut victoria nobis concessa coelo possemus corpora Christianorum ab infidelibus discernere. Et tunc ille qui apparuit nobis respondit, quod petistis, impetrastis et maiora huiusmodi impetrabitis, si firmi in fide persteteritis. Nos nomen personaliter eum interrogavimus, quis estis vos qui tanta nobis fecistis, ut valeamus nomen vestrum coram Christianis divulgare. Et respondit ego sum qui dixi: “Ecce agnus dei ecce qui tollit peccata mundi”, — et hiis dictis disparuit dimisso odore suavissimo, quo mirabiliter eramus tota nocte et die recreati etiam sine cibo et potu martiriali. Post diem vero decrevimus corpora mortuorum Christianorum numerare, et cum venimus ad locum proelii invenimus ad capitam singulorum fustem longum sine frondibus et in capite florem album tamquam consecrandam et inscriptum aureis litteris “Christianus sum”. Tunc segregantes corpora eorum ab infidelibus voluimus facere pro ipsis officium defunctorum et audivimus voces sine numero de celo. Dulcissimum genus melodie in sonantes, ita quod

quilibus videbatur possidere vitam perhennem⁴. Et ter cantaverunt versum illum, “quod enite benedicti patris mei”⁵, usque infinem. Et nunc sepellivimus corpora Christianorum iuxta civitatem Thebaidam que teneri a Christianis. Corpora autem Thurcorum que invenire potuimus erant septuaginta milia. Et exspectavimus quod nunc est tempus, ut verificetur evvangelicum illud. Et fiat unum Oville et unus Pastor⁶, scilicet Christus Jesus, quod ipse prestare dignetur qui super omnia est deus benedictus in secula seculorum. Amen.

Перевод

В год Господа 1345 произошло одно удивительное событие, о котором написал король Кипра, который видел его собственными глазами, королеве Сицилии в этом письме, а именно следующее.

Король Кипра королеве Сицилии шлет привет и поздравления, чтобы Вы порадовались вместе с нами и с истинно верными делу креста в борьбе против неверных турок ради величия Иисуса Христа, который за нас пожелал быть распятым, рыдайте и взывайте, чтобы ваши голоса, благодарности и прославления были бы услышаны всевышним, мы взываем к Богу и славной Деве Марии о безграничной милости, сделанной недавно для меня, а именно 24 июня, первого индикта, когда вместе с другими христианами, преданными делу креста, мы вступили в битву против турок. Мы собрались на равнине, расположенной между горами и возвышенностью. Турки имели двенадцать сотен тысяч воинов. А у нас было только двести тысяч, и в таких условиях мы могли вести бой, порой уничтожая огромное число турок, и сражение длилось вплоть до вечера. Однако поскольку мы, верные, очень устали, мы не могли больше сражаться и были повержены, мы надеялись получить за это пальмовую ветвь мученичества, так как множество турок выступили против нас, столь измученных, страдающих от жажды настолько, что мы были готовы пить собственную кровь, если бы божественное милосердие не помешало этому. И когда верные увидели, что они оказались в такой ситуации, они молили Господа, взывая: «Господи, тот, кто пожелал за нас быть распятым! Дай нам веру, и да сохрани и укрепи в нас душу нашу, чтобы с именем твоим мы были в силах принять пальму мученичества, ибо мы не можем препятствовать им». И если у нас не было надежды на победу, мы ожидали самой горькой смерти, плача и рыдая. И сразу же появился всадник на белом коне с белым знаменем, на котором был красный крест, чудо, светящееся красным светом, четко видимое над всей этой массой людей. Он был одет в верблюжью власяницу, у него было длинное и худое лицо с широкой бородой, и звучным голосом он взывал, говоря: «О верные, не бойтесь! Ведь Бог показался в небесах и незримо посылает нам помощь, поднимайтесь, он придаст сил. Смело идите в бой вместе со мной! Ведь те немногие из вас, которые будут убиты, //

fol. 300 v — обретут вечную жизнь». И с его помощью мы достигли успеха, поскольку мы сражались как никогда. И мы снова напали на турок и сражались всю ночь; и не было ночи, ибо луч солнечного света являлся нам всю ночь. Днем же те из турок, которые остались, уплыли с наших глаз. И так с Божьей помощью в этом бою мы одержали победу. Истощенные, перед боем мы провели мессу, молясь св. Троице и славной Деве Марии, и благоговейно просили, чтобы небом нам была бы дарована

⁴ От *perennis* «вечный».

⁵ ...*enite benedicti patris mei* (Math. 25:34).

⁶ ...*fiat unum Oville et unus Pastor* (Iohann. 10:16).

победа и мы бы смогли оградить мир (досл.: «тело») христиан от неверных. И тогда тот, кто явился нам, ответил, что: «Вы попросили и добились, и вы достигнете таким образом еще больше, если будете тверды в вере». Мы же тогда спросили имя его; кто вы, которые так много сделали для нас, потому что мы хотим сообщить ваше имя всем христианам. И он ответил: «Я тот, кто сказал: “Вот агнец Божий, который берет на себя грехи мира”»⁷. И говоря эти слова, он исчез, источая приятнейший аромат, благодаря которому мы удивительным образом в течение ночи и дня восстановили силы, хотя и изнывали без пищи и питья. На следующий день мы действительно решили посчитать, сколько погибло христиан, и когда мы пришли на поле битвы, мы обнаружили у изголовья каждого длинную палку без листьев, а на конце белый цветок, соответственно обрезанный, и с надписью золотыми буквами «Я Христианин». Тогда, отделив их тела от неверных, мы захотели отслужить для них службу по усопшим и услышали бесчисленное множество голосов с неба. Звучала чудеснейшая мелодия, так что каждому казалось, что жизнь вечна. И трижды они пропели до конца для каждого: «Придите же, благословенные отца моего». И теперь мы похоронили тела христиан около города Фиваида, который удерживается христианами. Тел же турок, которые мы смогли найти, было 70 тысяч. И мы надеялись, что сейчас настало время, чтобы воистину сбылось следующее евангельское <изречение>. И пусть будет одно стадо и один пастырь, а именно Иисус Христос, ибо он достоин стоять впереди, он над всем есть Бог благословенный во веки веков. Аминь.

Источники

Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. М. : Наука, 1979.

Близнюк С. В. Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр». М. : Academia, 2018.

Annali veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero / a cura di A. Sagredo. Firenze : Viesseux, 1843–1844. Vol. I–II. (Archivio Storico Italiano ; Vol. VII).

BSB — Bayerische Staatsbibliothek. Codex Latinus Monacensis 4149. Fol. 300 r-v.

Desaivre L. Le Mythe de la Mère Lusine (Meurlusine, Merlusine, Mellusigne, Mellusine, Melusine, Mélusine), étude critique et bibliographique. Sant-Maixent : Reversé, 1883.

Fulcheri Carnotensis Historia Heirosolymitana (1095–1127) / mit Erläuterungen und einem Anhang hrsg. von H. Hagenmeyer. Heidelberg : Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1913.

Machairas L. Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus Entitled Chronicle : in 2 vols. / ed. R. M. Dawkins. Oxford : Univ. Press, 1932.

Melusine. Basel : Bernhard Richel, 1476.

Melusine par Jehan d'Arras. Nouvelle éd., conforme à celle de 1478 revue et corrigée / ed. M. Ch. Brunet. Paris, 1854.

Mézières Ph. de. The Life of Saint Peter Thomae / ed. J. Smet. Rome : Institutum Carmelitanum, 1954.

Исследования

Близнюк С. В. Крестовые походы в древнерусской литературе: Кипр на пути от Константинополя к Иерусалиму // Родина. 2010. С. 74–80.

Близнюк С. В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. СПб. : Алетея, 2014.

⁷ «Вот агнец Божий, несущий грехи мира» (Ин. 1: 29).

Близнюк С. В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. М. : Academia, 2016.

Близнюк С. В. Русские паломники XII–XVIII вв. о «сладкой земле Кипр» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 1 (196). С. 67–83. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.1.005>

Лебедева И. Н. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. (Палестинский сборник ; Вып. 18 (81)).

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. и их значение для истории польско-русской литературы // Славяноведение. 2002. № 2. С. 121–127.

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. : библиогр. материалы. СПб. : Нестор-История, 2008.

Самарин Р. М., Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман // История всемирной литературы : в 9 т. Т. 2 / редкол.: Х. Г. Короглы, А. Д. Михайлов (отв. редакторы) и др. М. : Наука, 1984. С. 551–561.

Bliznyuk S. L'idea delle crociate e la conquista nel pensiero russo // Quatra Crociata. Venezia — Bizanzio — Impero Latino / a cura di G. Ortalli, G. Ravegnani, P. Schreiner. Venezia : Ist. Veneto di Scienze, 2006. P. 653–662.

Battles D. The Medieval Tradition of Thebes: History and Narrative in the Roman de Thèbes, Boccaccio, Chaucer, and Lydgate. New York : Routledge, 2004. <https://doi.org/10.4324/9780203502853>

Campagnolo M., Martiniani-Reber M. From Aphrodite to Melusine. Reflection on the Archaeology and the History of Cyprus. Geneva : La Pomme d'Or, 2007.

Coureas N. Cyprus and the Naval Leagues, 1333–1358 // Cyprus and the Crusades / ed. N. Coureas, J. Riley-Smith. Nicosia : Dietnēs Homilos gia tē Meletē tōn Staurophoriōn kai tēs Latinokratumenēs Anatolēs, 1995. P. 107–124.

Grivaud G. Entrelacs Chiprois. Essai sur les lettres et la vie intellectuelle dans le Royaume de Chypre 1191–1570. Nicosia : Moufflon Publ., 2009.

References

Battles, D. (2004). *The Medieval Tradition of Thebes: History and Narrative in the Roman de Thèbes, Boccaccio, Chaucer, and Lydgate*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203502853>

Bliznyuk, S. (2006). L'idea delle crociate e la conquista nel pensiero russo. In G. Ortalli, G. Ravegnani, & P. Schreiner (Eds.), *Quatra Crociata. Venezia — Bizanzio — Impero Latino* (pp. 653–662). Venezia: Ist. Veneto di Scienze.

Bliznyuk, S. V. (2010). Krestovye pokhody v drevnerusskoi literature: Kipr na puti ot Konstantinopolia k Ierusalimu [Crusades in Old Russian Literature: Cyprus on the Way from Constantinople to Jerusalem]. *Rodina*, 74–80.

Bliznyuk, S. V. (2014). *Koroli Kipra v epokhu krestovyykh pokhodov* [The Kings of Cyprus in the Epoch of the Crusades]. St Petersburg: Aletea.

Bliznyuk, S. V. (2016). *Korolevstvo Kipr i ital'ianskie morskije respubliki v XIII–XV vv.* [The Kingdom of Cyprus and the Italian Maritime Republics from the Thirteenth to the Fifteenth Century]. Moscow: Academia.

Bliznyuk, S. V. (2020). Russkije palomniki XII–XVIII vv. o “sladkoj zemle Kipr” [Russian Pilgrims of the 12th–18th Centuries about “The Sweet Land of Cyprus”]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 22, 1 (196), 67–83. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.1.005>

Campagnolo, M., & Martiniani-Reber, M. (2007). *From Aphrodite to Melusine. Reflection on the Archaeology and the History of Cyprus*. Geneva: La Pomme d'Or.

Coureas, N. (1995). Cyprus and the Naval Leagues, 1333–1358. In N. Coureas, & J. Riley-Smith (Eds.), *Cyprus and the Crusades* (pp. 107–124). Nicosia: Dietnēs Homilos gia tē Meletē tōn Staurophoriōn kai tēs Latinokratumenēs Anatolēs.

Grivaud, G. (2009). *Entrelacs Chiprois. Essai sur les lettres et la vie intellectuelle dans le Royaume de Chypre 1191–1570*. Nicosia: Moufflon Publ.

Lebedeva, I. N. (1968). Pozdnie grecheskie khroniki i ikh russkie i vostochnye perevody [The Later Greek Chronicles and their Russian and Oriental Translations]. *Palestinskij sbornik*, 18 (81). Leningrad: Nauka.

Nikolaev, S. I. (2002). Polsko-russkie literaturnye sviazi XVI–XVIII vv. i ikh znachenie dlia istorii polsko-russkoj literatury [Polish-Russian Literary Relations of the 16th–18th Centuries and their Significance for the History of Polish-Russian Literature]. *Slavianovedenie*, 2, 121–127.

Nikolaev, S. I. (2008). *Polsko-russkie literaturnye sviazi XVI–XVIII vv.: bibliograficheskie materialy* [Polish-Russian Literary Relations of the 16th–18th Centuries: Bibliographic Materials]. St Petersburg: Nestor-Istoria.

Samarin, R. M., & Mikhailov, A. D. (1984). Frantsuzskij rytsarskij roman [French Chivalric Romance]. In Kh. G. Korogly, & A. D. Mikhailov (Eds.), *Istoriia vsemirnoj literatury* [History of World Literature] (Vol. 2, pp. 551–561). Moscow: Nauka.

Близнюк Светлана Владимировна

доктор исторических наук, доцент
кафедры истории Средних веков
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
119992, Москва, Ломоносовский пр., 27,
корп. 4
E-mail: svbliznyuk@mail.ru

Bliznyuk, Svetlana Vladimirovna

Dr. Hab. (History), Associate Professor
Department of History of the Middle Ages
Lomonosov Moscow State University
27/4, Lomonosovsky Ave.,
119992 Moscow, Russia
Email: svbliznyuk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8533-0863>